

СОЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ю.Е. Пудовочкин

Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

13 июля 2020 г.

Дата принятия в печать

19 августа 2020 г.

Дата онлайн-размещения

31 августа 2020 г.

Ключевые слова

Социально-криминологическая обусловленность уголовного закона; социология уголовного права; судебная статистика; освобождение от уголовной ответственности; криминологические модели освобождения от ответственности

Аннотация. В статье анализируется недостаточно представленная в современной криминологической литературе статистическая и иная социальная информация, отражающая особенности применения института освобождения от уголовной ответственности в судебной практике. Установлено, что вызванный реформой 2003 г. рост общей численности лиц, освобожденных от ответственности, к сегодняшнему дню остановлен на уровне 180–200 тыс. чел. ежегодно, что составляет 18–22 % от числа лиц, в отношении которых вынесено судебное решение по существу предъявленного обвинения. В связи с этим доказывается, что резервы гуманизации уголовного права посредством использования данного института исчерпаны, а все законодательные решения, связанные с его совершенствованием, приводят лишь к изменению структуры общего массива лиц, освобожденных от ответственности, в результате чего на первое место выдвигаются основания освобождения от ответственности, связанные с возмещением вреда потерпевшему и производством дополнительных выплат в пользу государства. Доля лиц, примирившихся с потерпевшим и согласившихся на выплату судебного штрафа, составляет свыше 80 % в общем массиве освобожденных от ответственности лиц. В работе исследован вопрос о соотношении оснований освобождения от ответственности и вида совершенного преступления, его криминологических особенностей и показателей общественной опасности. На основе этой информации разработано три криминологические модели освобождения от уголовной ответственности, которым отчетливо корреспондируют предписания ст. 74, 76 и 76.2 УК РФ. Устойчиво сформированная социально-криминологическая база освобождения от ответственности позволяет определить и социальные основания наличия и последующего развития этого института. На основе анализа сложившихся в науке подходов к социальному обоснованию освобождения от ответственности сделан вывод о том, что в качестве такового выступает адекватное восстановление нарушенных преступлением интересов личности, общества, государства посредством самостоятельных и активных действий лица, совершившего это преступление, в результате чего применение мер уголовной ответственности становится избыточным.

SOCIO-CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

Yury E. Pudovochkin

Russian State University of Justice, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2020 July 13

Accepted

2020 August 19

Available online

2020 August 31

Keywords

Socio-criminological conditionality of criminal law; sociology of criminal law; judicial statistics; exemption from criminal liability; criminological models of exemption from liability

Abstract. The article analyzes statistical and other social information on the specifics of using exemptions from criminal liability in court practice, which is underrepresented in modern criminological publications. It is stated that the growth in the total number of people exempt from liability, which was caused by the reform of 2003, now stopped at the level of 180–200 thousand people per year, which is 18–22 % of people for whom judgments on the merits of the charges have been issued. In this connection, it is proven that the potential for the humanization of criminal law through the use of this institute is fully used, while all legislative decisions connected with its improvement only lead to the changes in the general body of individuals exempt from liability; as a result, prominence is given to grounds for exemption connected with the compensation of damage inflicted on the victim and extra payments for the benefit of the state. The share of persons who reconciled with the victims and agreed to pay a court fine comprises over 80 % of the total number of persons exempt from liability. This research also addresses the issue of the correlation between the grounds for exemption from liability and the type of

the committed crime, its criminological features and the degree of public danger. Based on this information, three criminological models of exemption from criminal liability have been worked out, they clearly correspond to the prescriptions of Art. 74, 76 and 76.2 of the CC of the RF. The sustainable socio-criminological basis of exemption from liability makes it possible to determine the social background for the existence and future development of this institute. Having analyzed the existing research approaches to the social basis for exemption, the author concludes that this basis consists in the adequate restoration of the interests of the person, the society, and the state violated by the crime through independent and intensive actions of the person who committed this crime and, as a result, the use of criminal liability measures becomes excessive.

Освобождение от уголовной ответственности занимает значимое место в ряду инструментов правового воздействия на лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести. Многолетний опыт применения этого института позволил аккумулировать значительный эмпирический материал, анализ которого дает возможность проводить уже не только формально-догматические, но и социально-криминологические исследования темы. С сожалением приходится констатировать, что отечественная наука практически не уделяет внимания этому вопросу. Даже в единичных работах, специально посвященных, судя по их названию, разработке криминологической характеристики освобождения от ответственности, последняя не представлена должным образом [1]. Такое состояние научного знания нельзя признать удовлетворительным, что в полной мере оправдывает обращение к социально-криминологическому анализу освобождения от ответственности на уровне самостоятельного раздела настоящей публикации.

Начать исследование, как представляется, целесообразно с уяснения и оценки статистических данных, характеризующих применение института освобождения от уголовной ответственности. Такие данные содержит официальная статистическая информация, предоставляемая в открытом доступе Судебным департаментом при Верховном Суде РФ.

Анализ имеющейся в распоряжении статистической информации свидетельствует о том, что ежегодно судами РФ от уголовной ответственности освобождается в среднем около 180 тыс. чел.

Некоторое общее сокращение этого абсолютного показателя (в частности, с 254 459 чел. в 2009 г. до 183 257 в 2018 г.) происходит на фоне общего сокращения численности лиц, в отношении которых судами вынесены судебные акты по существу предъявленного обвинения, в

связи с чем удельный вес лиц, освобождаемых от уголовной ответственности в суде, практически не изменяется. Он остается стабильными и колеблется в последние пять лет в пределах 18–22 %. Сопоставление этих показателей с данными десятилетней давности также говорит об отсутствии серьезных сдвигов. В 2009 г. удельный вес освобожденных судами от уголовной ответственности составил 21,6 %.

Такие объемы применения исследуемого правового института во многом стали результатом масштабной реформы 2003 г., в процессе которой была пересмотрена нормативная оценка общественной опасности многих преступлений и расширены возможности применения норм о деятельном раскаянии и примирении с потерпевшим, в частности, к преступлениям средней тяжести. По подсчетам некоторых авторов, до вступления в силу закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ доля составов преступлений, при наличии которых в поведении лица предусматривалась возможность освобождения его от уголовной ответственности по указанным основаниям, равнялась 36,9 %; после этого она составила уже 75,9 % составов деяний, предусмотренных УК РФ [2]. Соответственно, удельный вес освобожденных от ответственности в судах не превышал до 2003 г., по нашим подсчетам, 15 % от общего числа лиц, в отношении которых было вынесено судебное решение по существу предъявленного обвинения. В 2004 г. он поднялся до 23 % и в последующем стабилизировался на этом уровне.

Представленные цифры уже в первом приближении к теме позволяют констатировать, что имевшийся в первоначальной редакции уголовного закона резерв в части гуманизации уголовной политики за счет расширения возможностей освобождения от уголовной ответственности на сегодняшний день можно признать исчерпанным. Изменения, которые

вносятся законодателем в исследуемый правовой институт, не приводят к увеличению масштабов его применения.

Равным образом не влияют на эти масштабы и иные трансформации уголовного закона, выдержанные в русле его гуманизации. Значительные изменения уголовного законодательства и судебной практики, направленные на разработку, внедрение и совершенствование уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы и по преимуществу ориентированных на случаи совершения преступлений, не представляющих большой общественной опасности (в частности, штрафы, принудительные и исправительные работы, ограничение свободы), мало затронули сферу освобождения от уголовной ответственности. Мы не наблюдаем, например, сокращения объемов применения института освобождения от уголовной ответственности за счет активации «малотравмирующих» наказаний. Рост общей численности и удельного веса лиц, приговоренных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, происходит прежде всего за счет сокращения числа и удельного веса лиц, которым наказание (по преимуществу в виде лишения свободы) назначалось условно (доля условно осужденных к лишению свободы составляла в 2000 г. 45,9 %, в 2009 г. — 38,2 %, в 2019 г. — 26,2 %), а не за счет лиц, освобождаемых от ответственности.

Отсюда можно сделать несколько, на наш взгляд, интересных выводов уголовно-политического и криминологического свойства:

– во-первых, распространенные упреки в адрес судебной практики в излишней суровости по отношению к лицам, совершившим преступления, не представляющие большой общественной опасности, не учитывают особенности состояния уголовного закона, в частности то очевидное обстоятельство, что в условиях имевшегося «дефицита» наказаний, не связанных с лишением свободы, и законодательного запрета на освобождение от ответственности за совершение преступлений средней тяжести условное осуждение было единственной доступной для суда мерой уголовно-правового воздействия на таких лиц;

– во-вторых, *принципиальная неизменяемость удельного веса освобожденных от ответственности свидетельствует о наличии особой социально-криминологической «базы» применения данного института*, которая на протяжении последних лет глобально не изменяется;

– в-третьих, *эта «база» не может произвольно корректироваться усилиями самой судебной практики при оценке личности виновного или усилиями законодателя при оценке опасности преступления*, поскольку в основании применения института освобождения от уголовной ответственности заложен, кроме этого, специфический набор постпреступных действий, которые слабо поддаются уголовно-правовой коррекции;

– в-четвертых, *есть основания экстраполировать текущее состояние судебной практики на ближайшую перспективу* и не ожидать ни существенного роста объемов освобождения от уголовной ответственности за счет сокращения масштабов применения условного осуждения, ни его сокращения за счет более широкого применения наказаний, не связанных с лишением свободы;

– в-пятых, стабильность социально-криминологических оснований освобождения от уголовной ответственности приводит к тому, что *расширение масштабов применения данного института не происходит даже при увеличении числа оснований освобождения от ответственности* в законе.

Последний тезис представляется крайне важным, требующим дополнительных комментариев. С этой целью обратимся к исследованию вопроса о структуре освобождения от ответственности, определяемой содержанием оснований такого освобождения. Основной массив освобожденных (в среднем 80 % за последние пять лет) — это лица, примирившиеся с потерпевшим; на втором месте по распространенности (со средним показателем 7,1 %) — лица, проявившие деятельное раскаяние; лица, освобожденные от ответственности в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности либо в связи с применением к ним принудительных мер воспитательного воздействия (1,4 и 1,6 % соответственно), замыкают эту структуру. Такая структура принципиально не изменилась за последние десять лет. В 2009 г. в общем массиве освобожденных от ответственности доля лиц, примирившихся с потерпевшим, составляла 85,2 %, а проявивших деятельное раскаяние — 5,8 %.

Однако на фоне относительно стабильной структуры освобождения от ответственности обращают на себя внимание два динамических сдвига, имевших место в 2017 г., которые требуют комментариев, поскольку задают новые

тенденции в структурной характеристике освобождения от ответственности:

1. В 2017 г. наблюдался существенный (в 3 раза) рост удельного веса лиц, освобожденных от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием на основании специальных примечаний к статьям Особенной части УК РФ. Объяснением этого факта может служить активная законодательная деятельность по корректировке соответствующих примечаний и дополнению уголовного закона нормами, которые их содержат. В частности, в той или иной степени новыми (обновленными) следует считать: с 2016 г. — примечания к ст. 159, 184, 233.3, 204, 204.1, 204.2, 205.3, 205.6, 282.1, 282.2, 282.3, 291, 291.1, 291.2 УК РФ; с 2017 г. — примечания к ст. 110.2, 199.1, 199.3, 199.4 УК РФ.

2. С 2017 г. началось заметное сокращение удельного веса лиц, освобожденных от ответственности в связи с примирением с потерпевшим (в 2017 г. на 13 % по сравнению с 2016 г., в 2018 г. на 7 % по сравнению с 2017 г.). Такой феномен достоверно объясняется активацией положений уголовного закона об освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа, применение которых не только полностью компенсирует отмеченное сокращение, но и позволяет утверждать, что в судебной практике обозначена отчетливая тенденция роста объемов применения положений ст. 76.2 УК РФ за счет сокращения применения положений ст. 76 УК РФ. Если соотношение лиц, освобожденных от ответственности по этим основаниям, в 2017 г. составило 1 : 6,5, то в первом полугодии 2019 г. — уже 1 : 2,3.

Наглядное подтверждение этой тенденции дает анализ динамики структурных изменений в судебной практике освобождения от уголовной ответственности, дифференцированный в зависимости от социальной характеристики объекта преступного посягательства, в связи с совершением которого лицо было освобождено от ответственности.

Имеющиеся данные убедительно свидетельствуют о том, что *за последние пять лет произошли синхронные сдвиги показателей удельного веса освобожденных от ответственности в связи с назначением судебного штрафа и по иным основаниям*. Так, в частности: сокращение на 10 % числа освобожденных от ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам о преступлениях против жизни и здоровья сопровождается 10%-ной до-

лей лиц, к которым применен судебный штраф; 16%-ное сокращение этого же показателя по делам о преступлениях против свободы сопровождается 13%-ной долей освобожденных в связи со штрафом; аналогичные синхронные 30%-ные колебания имеют место в числе освобожденных от ответственности за половые преступления; 40%-ные колебания среди освобожденных за преступления против конституционных прав и свобод граждан; 12%-ные колебания среди совершивших преступления против семьи и несовершеннолетних; 25%-ные колебания среди совершивших преступления против собственности; 20%-ные — среди совершивших преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств. Сокращение на 60 % количества освобожденных в связи с деятельным раскаянием за экологические преступления сопровождается синхронным повышением доли освобожденных в связи с судебным штрафом. Среди совершивших преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, а также совершивших воинские преступления и преступления против мира суммарное сокращение удельного веса освобожденных от ответственности в связи с раскаянием, примирением и на основании специальных случаев деятельного раскаяния равно удельному весу освобожденных в связи с применением штрафа.

Важно заметить, что в связи с внедрением в закон положений о судебном штрафе и некоторым расширением спектра специальных примечаний к статьям Особенной части как основания освобождения от ответственности происходит значимая трансформация структуры освобождения от уголовной ответственности, но не его общих объемов. Не повлияло на эти объемы и включение в закон специальных оснований освобождения от ответственности за преступления экономического характера. Это еще раз доказывает, что социально-криминологическая основа применения рассматриваемого института мало зависит от динамики уголовного законодательства.

Сказанное нельзя воспринимать как безрезультатность и тщетность законодательных усилий по совершенствованию и развитию института освобождения от уголовной ответственности. В конечном итоге *увеличение масштабов освобождения от ответственности не может признаваться целью уголовной политики и судебной практики*. Можно, пожалуй, утверждать

больше: *возможности гуманизации уголовной политики и права посредством института освобождения от уголовной ответственности в принципе исчерпаны*. Законодатель сегодня уточняет и корректирует основания освобождения от уголовной ответственности, преследуя иные цели. При этом анализ состоявшихся изменений показывает, что в ряду таких целей не последнее место занимает пополнение федерального бюджета за счет взыскания под угрозой реализации уголовной ответственности налоговых платежей, недоимок, налоговых штрафов и иных обязательных платежей, а также за счет судебного штрафа [3; 4].

Возвращаясь к вопросу о структуре применения института освобождения от уголовной ответственности, резюмируем, что в итоге всех происшедших сдвигов в современной судебной практике она представлена следующим образом (без учета амнистии):

- примирение с потерпевшим — 61,3 %;
- применение судебного штрафа — 26,2 %;
- деятельное раскаяние — 5,3 %;
- специальные виды раскаяния в статьях Особенной части УК РФ — 3,9 %;
- истечение срока давности — 2,0 %;
- применение мер воспитательного воздействия — 1,3 %.

Научный и практический интерес представляет вопрос о соотношении оснований освобождения от уголовной ответственности и социальной направленности преступления — объекта посягательства. Имеющиеся в этой части статистические данные показывают следующее:

– в случае совершения преступлений против личности (гл. 16–20 УК РФ), против собственности (гл. 21 УК РФ), против безопасности движения и эксплуатации транспорта (гл. 27 УК РФ) доминирующим основанием освобождения от уголовной ответственности является примирение с потерпевшим;

– при совершении преступлений против порядка управления (гл. 32 УК РФ) применяются практически исключительно специальные виды деятельного раскаяния, предусмотренные в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ;

– при совершении всех остальных преступлений (гл. 22–26, 28–31, 33, 34 УК РФ) ведущее место в ряду оснований освобождения от ответственности занимает судебный штраф;

– в силу особенностей структуры современной преступности, в которой преобладают преступления против собственности, именно эти

посягательства составляют основной массив деяний, при совершении которых происходит освобождение от ответственности практически по всем основаниям;

– деятельное раскаяние, в том числе на основании примечаний к статьям Особенной части УК РФ, применяется преимущественно к лицам, совершившим преступления против порядка управления.

Эти общие представления могут быть детализированы применительно к наиболее распространенным основаниям освобождения от уголовной ответственности. Представим соответствующую информацию на основе материалов судебной статистики, определяя удельный вес наиболее распространенных видов преступлений в общем массиве деяний, совершение которых повлекло освобождение от ответственности по тому или иному основанию:

1. *Примирение с потерпевшим* — самое распространенное основание освобождения от ответственности. Оно применяется в подавляющем большинстве случаев при совершении краж — 43,3 %, а также преступлений, связанных с причинением вреда здоровью или побоями, — 18,3 % (табл. 1).

2. *Деятельное раскаяние*. Традиционно высока доля совершивших кражи среди освобожденных от ответственности по данному основанию (17,6 %), хотя она и вдвое меньше, чем среди освобожденных в связи с примирением и назначением судебного штрафа. Дополнительную подтверждающую информацию о социально-криминологических особенностях применения деятельного раскаяния и примирения с потерпевшим дает изучение уголовных дел [5; 6]. Этот вид освобождения практически не применяется при реагировании на случаи совершения преступлений, связанных с причинением вреда личности, но имеет достаточно широкое применение для воздействия на лиц, причинивших вред общественным интересам: экологическим, порядку документооборота, общественной безопасности (табл. 2).

3. *Применение судебного штрафа* — следующий по распространенности вид освобождения от ответственности. Каждый третий, к кому применена соответствующая норма, совершил кражу (33,3 %); удельный вес лиц, совершивших иные преступления, на порядок ниже. Обращает на себя внимание относительная распространенность этого основания среди лиц, совершивших преступления, не связанные

Таблица 1 / Table 1

**Примирение с потерпевшим
Reconciliation with the victim**

Критерий классификации / Criterion of classification		Доля, % / Share, %
По виду преступлений / By the type of crime	Кражи (ст. 158 УК РФ)	43,3
	Побои и причинение вреда здоровью (ст. 112–118 УК РФ)	18,3
	Нарушение правил дорожного движения (ст. 264 УК РФ)	4,3
	Грабежи (ст. 161 УК РФ)	2,5
	Преступления против конституционных прав (гл. 19 УК РФ)	2,5
	Угоны (ст. 166 УК РФ)	1,9
	Уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ)	1,9
	Нарушение алиментных обязательств (ст. 157 УК РФ)	1,7
По категории преступлений / By the category of crime	Небольшой тяжести	59,0
	Средней тяжести	40,9
	Тяжкие	0,1
По форме вины в преступлении / By the form of guilt in a crime	Умышленные преступления	94,6
	Неосторожные преступления	5,4
По половозрастным признакам / By gender and age	Освобождено женщин (от общего числа)	17,1
	Освобождено несовершеннолетних (от общего числа)	9,3

Таблица 2 / Table 2

**Деятельное раскаяние
Active repentance**

Критерий классификации / Criterion of classification		Доля, % / Share, %
По виду преступлений / By the type of crime	Кражи (ст. 158 УК РФ)	17,6
	Преступления, связанные с посягательством на официальные символы и документооборот (ст. 324–327.2 УК РФ)	10,3
	Посягательства на природные ресурсы (ст. 256, 258 УК РФ)	9,0
	Преступления, связанные с оборотом оружия (ст. 222–226.1 УК РФ)	5,6
	Преступления, связанные с оборотом наркотических средств (ст. 228–234.1 УК РФ)	4,2
	Мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ)	3,9
	Нарушение конституционных прав (гл. 19 УК РФ, ст. 157 УК РФ)	2,8
	Незаконные виды предпринимательства (ст. 171–173.2 УК РФ)	1,9
	Побои и причинение вреда здоровью (ст. 112–116, 118 УК РФ)	1,4
	Посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ)	0,9
По категории преступлений / By the category of crime	Небольшой тяжести	78,3
	Средней тяжести	21,5
	Тяжкие	0,2
По форме вины в преступлении / By the form of guilt in a crime	Умышленные преступления	99,4
	Неосторожные преступления	0,6
По половозрастным признакам / By gender and age	Освобождено женщин (от общего числа)	27,0
	Освобождено несовершеннолетних (от общего числа)	3,4

с причинением вреда конкретному потерпевшему: экологические, посягательства на официальный документооборот, незаконные виды предпринимательской деятельности (табл. 3).

4. Меры воспитательного воздействия с учетом особенностей преступности несовершеннолетних в двух третях случаев применяются к лицам, совершившим кражи (табл. 4).

Таблица 3 / Table 3

**Судебный штраф
Court fine**

Критерий классификации / Criterion of classification		Доля, % / Share, %
По виду преступлений / By the type of crime	Кражи (ст. 158 УК РФ)	33,3
	Мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ)	7,4
	Нарушение конституционных прав (гл. 19 УК РФ, ст. 157 УК РФ)	5,6
	Посягательства на природные ресурсы (ст. 256, 258 УК РФ)	5,6
	Побои и причинение вреда здоровью (ст. 112–118 УК РФ)	5,3
	Преступления, связанные с посягательством на официальные символы и документооборот (ст. 324–327.2 УК РФ)	4,7
	Преступления против представителей власти (ст. 317–319 УК РФ)	3,6
	Незаконные виды предпринимательства (ст. 171–173.2 УК РФ)	3,1
	Нарушение правил дорожного движения (ст. 264 УК РФ)	2,5
По категории преступлений / By the category of crime	Небольшой тяжести	61,1
	Средней тяжести	38,8
	Тяжкие	0,1
По форме вины в преступлении / By the form of guilt in a crime	Умышленные преступления	95,3
	Неосторожные преступления	4,7
По половозрастным признакам / By gender and age	Освобождено женщин (от общего числа)	21,1
	Освобождено несовершеннолетних (от общего числа)	3,9

Таблица 4 / Table 4

**Применение мер воспитательного воздействия
Application of educational measures**

Критерий классификации / Criterion of classification		Доля, % / Share, %
По виду преступлений / By the type of crime	Кражи (ст. 158 УК РФ)	76,7
	Побои и причинение вреда здоровью (ст. 112–118 УК РФ)	6,2
	Грабежи (ст. 161 УК РФ)	3,8
	Преступления, связанные с оборотом наркотических средств (ст. 228–234.1 УК РФ)	3,5
	Угоны (ст. 166 УК РФ)	2,6
По категории преступлений / By the category of crime	Небольшой тяжести	30,0
	Средней тяжести	68,5
	Тяжкие	1,5
По форме вины в преступлении / By the form of guilt in a crime	Умышленные преступления	99,7
	Неосторожные преступления	0,3
По половым признакам / By gender	Освобождено женщин (от общего числа)	15,3

Имеющиеся в распоряжении статистические данные позволяют соотнести основание ос-

вобождения от уголовной ответственности с категорией совершенного преступления (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Структура освобождения от ответственности в зависимости от категории преступления, %
Structure of exemption from liability depending on the category of crime, %

Категория преступления / Category of crime	Основание освобождения от уголовной ответственности / Grounds for exemption from criminal liability					
	Деятельное раскаяние / Active repentance	Примирение с потерпевшим / Reconciliation with the victim	Применение мер воспитательного воздействия / Use of educational measures	Истечение срока давности / Expiration of the statute of limitations	Примечания к статьям Особенной части УК РФ / Notes to the Art. of the Special Part of the CC of the RF	Применение судебного штрафа / Application of a court fine
Небольшой тяжести (100 %) / Small gravity (100 %)	8,3	65,2	0,6	2,7	5,3	17,9
Средней тяжести (100 %) / Medium gravity (100 %)	3,7	74,7	2,3	0,4	0,1	18,8

Несложно заметить, что при принципиальных совпадениях деятельное раскаяние все же в гораздо большей степени востребовано при совершении преступлений небольшой тяжести, тогда как примирение с потерпевшим существенно больше распространено среди освобожденных от ответственности за преступления средней тяжести.

Еще один момент, на который стоит обратить внимание, — это половозрастные особенности освобожденных. Удельный вес женщин среди освобожденных от ответственности по всем основаниям, колеблясь в пределах от 15 до 27 %, существенно превышает удельный вес женщин среди осужденных лиц (14 %) [7].

Равным образом удельный вес несовершеннолетних — от 3,5 до 9,0 % — превышает их долю среди осужденных, которая составляет 2,9 %.

На основании представленной информации можно вполне определенно составить типологию случаев освобождения от уголовной ответственности, учитывающую как основания применения соответствующего уголовно-правового института, так и особенности социально-криминологической характеристики преступления.

Основной массив ситуаций освобождения от ответственности «раскладывается» в три базовых типа:

1. Совершение преступлений средней или небольшой тяжести, которые причиняют конкретный, подлежащий стоимостному исчислению имущественный или физический вред конкретному потерпевшему — частному лицу

(как правило, кражи, побои и причинение вреда здоровью). Компенсация и заглаживание этого вреда в процессе примирения с потерпевшим и освобождение от ответственности — на основании ст. 76 УК РФ.

2. Совершение преступлений средней или небольшой тяжести, в результате которых причиняется подлежащий стоимостному выражению имущественный вред, либо дополнительно причиняется вред объектам, выходящим за пределы частных интересов потерпевшего, либо причиняется подлежащий стоимостному выражению вред экологического, управленческого и подобного характера. Заглаживание такого вреда и освобождение от ответственности — на основании ст. 76.2 УК РФ. Это же основание выступает «резервным» для ситуаций, когда лицу, совершившему преступление, не удастся примириться с потерпевшим, но интересы обеспечения адекватности правовых последствий преступления опасности этого преступления исключают возможность применения уголовного наказания.

3. Совершение преступлений небольшой или средней тяжести, которые причиняют не подлежащий стоимостному выражению вред интересам общественной безопасности, здоровья населения, управления. Раскаяние в содеянном, оказание помощи в раскрытии и расследовании преступления и освобождение от ответственности — на основании ст. 5 УК РФ или специальных примечаний к статьям Особенной части УК РФ.

В этой типологии сознательно не отражены такие ситуации освобождения от уголовной ответственности, как истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности, применение мер воспитательного воздействия и возмещение вреда по делам об экономических преступлениях. Они, как представляется, плохо укладываются в общую схему и выступают специфическими видами освобождения, имеющими особые социально-криминологические основания и цели. Истечение сроков давности в большей степени связано с феноменом «памяти» [8] и призвано обеспечить оперативное, своевременное воздействие на лицо, совершившее преступление; меры воспитательного воздействия в большей степени призваны скорректировать дефекты общего воспитания подростков [9; 10]; освобождение от ответственности при совершении экономических преступлений ориентировано на выполнение фискальных функций и поддержку инвестиционного климата [11]. Иными словами, в основе этих трех ситуаций — не столько соображения, связанные с социально-криминологическими особенностями совершенных преступлений и личностью деятеля, сколько уголовно-политические и общесоциальные задачи и цели государства. По этой причине, а также в силу того, что объем освобожденных от ответственности по данным основаниям крайне невелик, в последующем изложении проблем социально-криминологической характеристики института освобождения от уголовной ответственности этими тремя обстоятельствами допустимо в известной степени пренебречь.

Представленная выше типология отражает как общие признаки, присущие всем основным и наиболее распространенным ситуациям освобождения от ответственности (степень общественной опасности преступления и позитивные постпреступные действия лица, его совершившего), так и различающиеся (особенности причиненного преступлением вреда и корреспондирующее им содержание постпреступных действий).

В содержании и особенностях этих признаков и кроется по преимуществу то, что именуется в науке социально-криминологическим основанием освобождения от уголовной ответственности.

В отечественной юриспруденции можно обнаружить *два основных подхода к толкованию социально-криминологических оснований освобождения от уголовной ответственности.*

Первый обращает внимание на зафиксированные в тексте уголовного закона параме-

тры совершенного преступления и особенности личности его субъекта. Так, С.Г. Келина пишет: «Освобождение от уголовной ответственности может применяться только при одновременном наличии обоих обстоятельств — небольшой степени общественной опасности совершенного преступления и небольшой степени общественной опасности личности виновного. Причем из двух указанных оснований преимущественное значение имеет первое — характер преступления, ибо совершение тяжкого преступления, как правило, исключает возможность освобождения от уголовной ответственности» [12, с. 49]. Этот подход поддерживают другие авторы [13, с. 16–17], иногда акцентируя внимание на социально-психологической характеристике личности [14, с. 38], иногда ставя во главу угла данные об опасности совершенных ею преступлений [15, с. 36–49; 16].

Второй подход исходит из того, что особенности преступления и личности виновного — это сведения о «прошлом», которые служат основанием для развития уголовно-правового отношения и сами по себе не могут предрешать вопрос о необходимости или возможности освобождения от ответственности. Основанием же освобождения от ответственности выступают прогнозируемые результаты его применения [17]. В.Д. Филимонов отмечает, в частности, что криминологическим основанием освобождения от ответственности является «возможность исправления и перевоспитания лица без применения мер уголовного наказания» [18, с. 180]. На дополнительные позитивные результаты указывает В.В. Наумов. По его мнению, криминологическая обусловленность норм УК РФ, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности, связана с состоянием правопорядка и его способностью меняться в случае правовой регламентации и практической реализации соответствующих уголовно-правовых норм об освобождении. «Указанные нормы, — пишет он далее, — позволяют реализовать предназначенность уголовного права в сфере увеличения социальных благ. Подтверждением этому служит и состояние отечественной пенитенциарной системы, которая не способна обеспечить и поддерживать на должном уровне условия содержания заключенных и их последующую социальную реабилитацию. Нормы УК РФ, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности, позволяют избежать неблагоприятных последствий, связан-

ных с отбытием лицом, совершившим преступление, наказания (особенно в виде лишения свободы). Это, в свою очередь, способствует предотвращению культивации в обществе преступных традиций, способствует улучшению морального климата, позволяет избежать преступной деградации личности и т.д.» [19, с. 15].

Как несложно заметить, первый подход обращает внимание на факты прошлого, второй — на цели, преследуемые в будущем. Думается все же, что противопоставлять их нет особой необходимости, поскольку каждый раскрывает лишь отдельные характеристики того, что может претендовать на статус социально-криминологического основания освобождения от уголовной ответственности.

Такие основания не могут рассматриваться в отрыве от социального предназначения отрасли уголовного права [20] и механизма уголовно-правового регулирования, элементарно потому что институт освобождения от уголовной ответственности включен в этот механизм в качестве средства, использование которого обеспечивает эффективность социального функционирования отрасли.

При всей сложности вопроса будем исходить из того, что цели уголовного права заключаются в восстановлении социальной справедливости, предупреждении преступлений и исправлении лиц, их совершивших. Средства достижения этих целей закономерно образом дифференцированы законодателем в зависимости от того, насколько серьезно деформированы преступлением охраняемые законом общественные отношения и насколько глубоко асоциальна личность преступника. Соответственно, институт освобождения от уголовной ответственности может выступать средством достижения уголовно-правовых целей в ситуации, когда:

– преступление «очевидно», механизм его совершения и расследования прост либо субъект совершил действия, избавляющие государство от выполнения многих связанных с расследованием действий;

– преступление причинило несущественный вред, который предельно четко «локализован» по виду, размеру, потерпевшему;

– опасность преступления «не выходит за рамки» этого вреда, не генерирует иных опасных деяний и последствий;

– вред от преступления может быть относительно легко устраним или компенсирован

посредством относительно простых действий субъекта;

– устранение или компенсация вреда происходит добровольно или при минимальном и несложном участии официальных государственных структур;

– в связи с раскрытием преступления, возмещением и заглаживанием вреда конфликт между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим может быть признан исчерпанным;

– официальная процедура расследования, судебного разбирательства, медиативные процедуры способствуют осознанию виновным недопустимости совершенного поступка и оказывают на него ощутимое исправительно-предупредительное воздействие.

В подобных условиях конституционно значимое требование адекватности, неизбыточности, соразмерности правовых последствий деяния его общественной опасности обуславливает нецелесообразность и, более того, недопустимость применения мер уголовной ответственности к лицу, совершившему преступление.

В итоге можно констатировать, что *социально-криминологическим основанием института освобождения от уголовной ответственности выступает адекватное восстановление нарушенных преступлением интересов личности, общества, государства посредством самостоятельных и активных действий лица, совершившего это преступление, в результате чего применение мер уголовной ответственности становится избыточным*. Такое понимание оснований применения исследуемого института, на наш взгляд, охватывает обе приведенные выше позиции, акцентируя внимание как на адекватности восстановительных мероприятий глубине деформации общественных отношений, так и на нецелесообразности наказания лиц, осознавших недопустимость и опасность уголовно-противоправного поведения. Оно же ориентирует правоприменительную практику при освобождении от уголовной ответственности одновременно:

– учитывать имевшие место в прошлом факты совершения преступления и постпреступных положительных действий;

– оценивать справедливость состоявшегося восстановления интересов личности, общества и государства;

– прогнозировать последующее поведение лица, совершившего преступление.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мелтонян Р.М. Освобождение от уголовной ответственности: криминологическая обоснованность закона / Р.М. Мелтонян // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 3 (29). — С. 47–53.
2. Галстян И.Ш. Освобождение от уголовной ответственности в связи с положительным постпреступным поведением виновного : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.Ш. Галстян. — Ростов-на-Дону, 2007. — 27 с.
3. Бабаев М.М. Российская уголовная политика XXI века / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. — Москва : Юрлитинформ, 2020. — 208 с.
4. Кострова М.Б. «Фискальная» функция уголовного права как результат гуманизации уголовной политики Российской Федерации? / М.Б. Кострова // Библиотека криминалиста. — 2014. — № 3 (14). — С. 54–63.
5. Останина В.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : учеб. пособие / В.В. Останина. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. — 130 с.
6. Антонов А.Г. Деятельное раскаяние / А.Г. Антонов. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. — 164 с.
7. Satterfield V.B. Criminal Responsibility of Women / V.B. Satterfield // The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science. — 1953. — Vol. 43, № 6. — P. 756–763.
8. Бойко А.И. Память и уголовное право / А.И. Бойко. — Ростов-на-Дону : Логос, 2005. — 63 с.
9. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Ендольцева. — Москва, 2005. — 50 с.
10. Щедрин Н.В. О правовой природе и перспективах института освобождения с применением принудительных мер воспитательного воздействия / Н.В. Щедрин, Н.А. Никитина // Актуальные проблемы российского права. — 2013. — № 8. — С. 1007–1011.
11. Тарасенко В.В. Презумпция утраты лицом общественной опасности как основание освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности / В.В. Тарасенко // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. — 2014. — № 1. — С. 182–187.
12. Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности / С.Г. Келина. — Москва : Наука, 1974. — 231 с.
13. Хархардин Д.Н. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д.Н. Хархардин. — Москва, 2004. — 22 с.
14. Грошевой Ю.М. Освобождение от уголовной ответственности в стадии судебного разбирательства : учеб. пособие / Ю.М. Грошевой. — Харьков : Изд-во ХЮИ, 1979. — 82 с.
15. Антонов А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности / А.Г. Антонов. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2012. — 270 с.
16. Waller W. A Deterministic View of Criminal Responsibility / W. Waller // Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology. — 1929. — Vol. 20, № 1. — P. 88–101.
17. Ferrante M. Causation in Criminal Responsibility / M. Ferrante // New Criminal Law Review: An International and Interdisciplinary Journal. — 2008. — Vol. 11, № 3. — P. 470–497.
18. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права / В.Д. Филимонов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. — 213 с.
19. Наумов В.В. Уголовно-правовая характеристика освобождения от уголовной ответственности по нормам особенной части УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.В. Наумов. — Москва, 2009. — 26 с.
20. Shulman H.M. Cultural Aspects of Criminal Responsibility / H.M. Shulman // The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science. — 1952. — Vol. 43, № 3. — P. 323–327.

REFERENCES

1. Meltonyan R.M. Exemption from Criminal Liability: Criminological Validity of Law. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2014, no. 3 (29), pp. 47–53. (In Russian).
2. Galstyan I.Sh. *Osvobozhdenie ot ugolovnoi otvetstvennosti v svyazi s polozhitel'nyim postprestupnym povedeniem vinovno-go. Avtoref. Kand. Diss.* [Exemption from criminal liability due to positive post-offense conduct of the perpetrator. Cand. Diss. Thesis]. Rostov-on-Don, 2007. 27 p.
3. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. *Rossiiskaya ugolovnaya politika XXI veka* [Russian Criminal Policy of the XXI Century]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020. 208 p.
4. Kostrova M.B. «Fiscal» Function of Criminal Law as a Result of Humanization of the Criminal Policy of the Russian Federation? *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2014, no. 3 (14), pp. 54–63. (In Russian).
5. Ostanina V.V. *Osvobozhdenie ot ugolovnoi otvetstvennosti v svyazi s primirenem s poterpevshim* [Exemption from Criminal Liability due to the Reconciliation with the Victim]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2004. 130 p.
6. Antonov A.G. *Deyatel'noe raskayanie* [Active Repentance]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2004. 164 p.
7. Satterfield V.B. Criminal Responsibility of Women. *The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science*, 1953, vol. 43, no. 6, pp. 756–763.
8. Boiko A.I. *Pamyat' i ugolovnoe pravo* [Memory and Criminal Law]. Rostov-on-Don, Logos Publ., 2005. 63 p.
9. Endoltseva A.V. *Institut osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti: teoreticheskie, zakonodatel'nye i pravoprimeritel'nye problemy. Avtoref. Dokt. Diss.* [The institute of exemption from criminal liability: theoretical, legislative and law enforcement problems. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2005. 50 p.
10. Shchedrin N.V., Nikitina N.A. On the legal nature and prospects of the institute of exemption with the application of forced educational measures. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2013, no. 8, pp. 1007–1011. (In Russian).

11. Tarasenko V.V. The Presumption of the Persons Loss of Social Danger as Grounds for Exemption from Criminal Responsibility for Crimes Committed in the Economic Activity Sphere. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2014, no. 1, pp. 182–187. (In Russian).
12. Kelina S.G. *Teoreticheskie voprosy osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti* [Theoretical Questions of Exemption from Criminal Responsibility]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 231 p.
13. Kharkhardin D.N. *Deyatel'noe raskayanie v sovershennom prestuplenii. Avtoref. Kand. Diss.* [Active repentance about the committed crime. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2004. 22 p.
14. Groshevoi Yu.M. *Osvobozhdenie ot ugolovnoi otvetstvennosti v stadii sudebnogo razbiratel'stva* [Exemption from Criminal Liability at the Stage of Court Proceedings]. Kharkiv Law Institute Publ., 1979. 82 p.
15. Antonov A.G. *Spetsial'nye osnovaniya osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti* [Special Grounds for Exemption from Criminal Liability]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2012. 270 p.
16. Waller W. A Deterministic View of Criminal Responsibility. *Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology*, 1929, vol. 20, no. 1, pp. 88–101.
17. Ferrante M. Causation in Criminal Responsibility. *New Criminal Law Review: An International and Interdisciplinary Journal*, 2008, vol. 11, no. 3, pp. 470–497.
18. Filimonov V.D. *Kriminologicheskie osnovy ugolovnogo prava* [The Criminological Basis of Criminal Law]. Tomsk State University Publ., 1981. 213 p.
19. Naumov V.V. *Ugolovno-pravovaya kharakteristika osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti po normam osobennoi chasti UK RF. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal law characteristic of exemption from criminal liability under the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2009. 26 p.
20. Shulman H.M. Cultural Aspects of Criminal Responsibility. *The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science*, 1952, vol. 43, no. 3, pp. 323–327.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пудовочкин Юрий Евгеньевич — главный научный сотрудник — руководитель уголовно-правового направления Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: 11081975@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пудовочкин Ю.Е. Социально-криминологическая характеристика освобождения от уголовной ответственности / Ю.Е. Пудовочкин. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(4).581-592 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 4. — С. 581–592.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pudovochkin, Yury E. — Chief Researcher, Head for Criminal Law Research, the Justice Research Center, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: 11081975@list.ru.

FOR CITATION

Pudovochkin Yu.E. Socio-criminological characteristics of exemption from criminal liability. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 4, pp. 581–592. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(4).581-592. (In Russian).